

Инженер из него так толком и не получился. Окончив институт, вместо того чтобы заняться диссертацией, Вячеслав Малежик пошел в самодеятельный ансамбль. Потом в другой. Искал себя... Не сделавшись кандидатом железнодорожных наук, стал звездой эстрады.

- С тех пор утекло немало воды. Рухнули устои, многое стало с ног на голову. Как вы себя чувствуете, Вячеслав?

- Мое настроение можно определить словами моей же песни: «Веселая печаль, улыбочивая грусть». Парадокс? А у нас все оригинально. ТВ, скажем, требует с артиста денег за показ, вместо того, чтобы ему платить.

- Теперь это так, не ведь вы пришли на эстраду в совсем другое время?

- Времена всегда другие. Меняются условия игры, но количество рубежей, которые нужно преодолеть, прежде чем у тебя станут брать интервью, не меняется.

Нынешние соискатели «олимпийского пьедестала» должны прорваться через маленькую дверцу с надписью «Успех», преодолев сумасшедшую пробку. Все стремятся пролезть без очереди, со спонсорами, либо через постель.

Раньше было по-другому. Я принимал «редакторское сито» как условия игры. Решил, что, если напишу талантливую песню, она обязательно кому-нибудь понадобится, и терпеливо ждал, пока попаду в «десятку». Так оно и получилось. В 38 лет многие мои коллеги, не менее способные, чем я, уже зачехлили гитары. А я? Чего только не перепробовал...

«Рокеры» меня в свою «стаю» не приняли, я от них отмежевался. Решил, что их рок мне ни к чему. Барды меня отторгли, с поп-музыкантами не тусовался, пресса обходила меня стороной. Я был «одиноким волком». Это не самая плохая категория, своего рода акт признания за мной определенной силы. Помогает не злиться на то, что происходит на российской эстраде.

В ней все сегодня, как в сказке «Голый король». Одних по телевизору показывают, преподнося самодеятельность как искусство, а другие рассказывают, что это за искусство. И все боятся сказать правду, что данный исполнитель - непрофессионал, что король-то - голый!

Я пережил бешеный успех, подобный успеху «Ласкового мая», были точно такие же истерики у девочек, такие же переполненные стадионы. Успех человека, песни которого поют в кабаках, у меня тоже был. Сейчас я - один из немногих артистов, который может позволить себе объявить

ИМЕНА

Малежик уходит в «Одинокое плавание»

Рос. вестн. - 1995. - 16 мая.

о своем концерте без всякой «раскрутки». Поэтому спокойно отношусь к тому, какое место занимаю в пресловутых «рейтингах».

Соревноваться с современными крутыми ребятами мне ни к чему. Я - сам по себе. Пишу свои песни, под фонограмму их не пою. Для меня главное - контакт со зрителем, на тусовках типа «Манхеттена» не бываю.

- А если пригласят за большие деньги?

- Пойду, но это должны быть «бешеные бабки!» Я - профессиональный музыкант, другого способа зарабатывать у меня нет.

Главное для артиста - оставаться внутренне честным. Лично я готов хоть сейчас подписаться под всеми своими песнями, независимо от того, в какое время они были написаны. Правда, был

момент, когда в погоне за популярностью я стал писать конъюнктурщину, но потом произошла переоценка. Точкой отсчета стала для меня смерть Высоцкого. После этого я отказался от многих своих песен.

- От тех, что стали немодными?

- Можно следовать моде, а можно ее создавать. В этом очень помогают клипы. Правда, за последние 3 года я не создал ни одного. Тексты моих песен очень насыщены. Боюсь, что режиссер клипа может этому навредить, если его самовыражение возбуждает над здравым смыслом. Начнутся фокусы с перевертыванием кадра, компьютерные штучки. Да и сам я, стараясь попасть под свою же фонограмму, открываю рот, как вытасненная из воды рыба.

- С кем из коллег вы предпочитаете выступать?

- Иногда сборные концерты собирают людей, за которых стыдно. Выходишь на сцену и хочешь извиниться перед публикой, сказать: «Я здесь ни при чем». А вообще, мне нравятся талантливые люди: Мисин, Лоза, Катя Семенова, Олег Митяев. Словом, вся наша творческая элита.

- Окончив Институт инженеров железнодорожного транспорта, вы не жалели, что ушли из устойчивой профессии в свободную?

- Из инженеров, что ли? Моя публика - интеллигенция. Живется ей сегодня не ахти. Другое дело, если бы я мог уйти в мощную коммерческую структуру и преуспеть там за счет своего имени. Но этого не произошло. Видимо, искусство - мой крест, и мне его нести до конца.

- До пенсии?

- Певец на пенсии - грустная картина. Артист должен быть интересен до старости. Не хотел бы дойти до того, чтобы петь дребезжащим от старости голосом.

- Художник не может не отразить в своих песнях мир, в котором он живет.

- В ту ночь, когда я решил уйти из ансамбля «Пламя» в «Одинокое плавание», написал песню «В мире нарисованном» о том «болоте», в котором я прозябал, в котором мне было тепло, уютно, сытно, из которого ушел в неизвестность. Теперь, кстати, живу не менее комфортно, могу себе купить все, чего захочу. Своей «романтической скорлупой» я защищен от «кислотных дождей» окружающего мира. Хотя совсем убежешь от его жгучих капель нельзя. Мои песни - стимул к тому, чтобы «летать в мечтах», не «оскотиниться» вконец, своеобразная духовность, которая не дает людям целиком погрузиться в болото.

Выходя на эстраду, я тем самым как бы «включаю» память нашего поколения. У слушателей возникают ассоциации, связанные не только с песней, но и чисто личного порядка. Я и сам, когда смотрю концерты Макартни, с нетерпением жду, когда же пройдет его новый «суперхит» и зазвучит старое, любимое «Вчера»!

Недавно я записал новый альбом, «Любимые песни нашей компании». Это своего рода путешествие во времени, где слились моя любовь к битлам и дворовой песне. Думаю, диск сохранил тот мощный импульс, которым было славное наше время - время надежд, предчувствия светлых перемен. Не важно, сбылись они или нет.

Ирина ГОРЮНОВА,
Владислав ЧЕБОТАРЕВ.